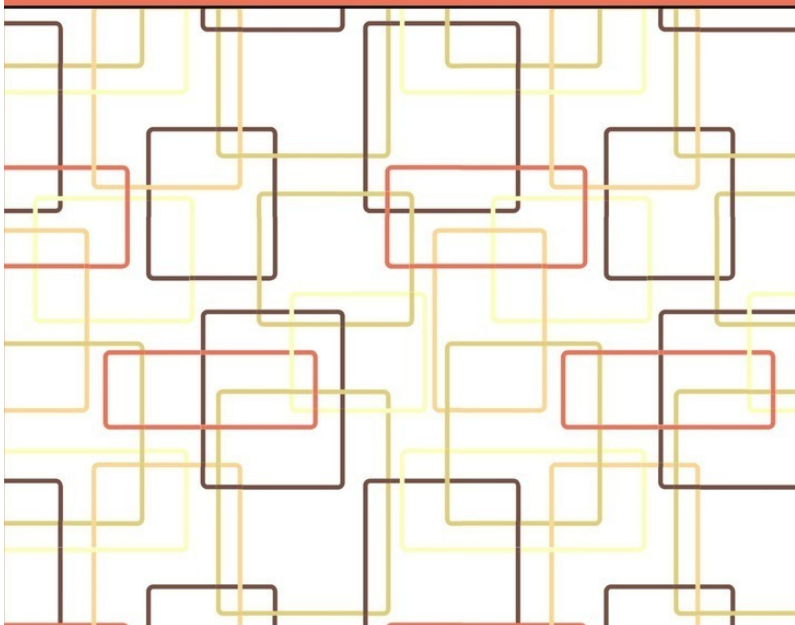

Нина Николаевна Мухина

*Сборник
рассказов*

Нина Николаевна Мухина

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67954289

ISBN 9785005685087

Аннотация

Тридцать три года на даче. Насмотрелась всякого; и веселье, и горе, и труд. Как говорится от дачи не будешь богатым, а будешь горбатым. Труд скрашивает отдых и там есть место и высоким чувствам, как сама жизнь. Все рассказы оканчиваются как сказки – добро побеждает зло, и все-таки остается горчинка.

Содержание

В гостях у лешего	5
Дачные истории	7
Остались лишь воспоминания...	15
Там, где начинается асфальт	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сборник рассказов

Нина Николаевна Мухина

© Нина Николаевна Мухина, 2022

ISBN 978-5-0056-8508-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В гостях у лешего

Хмурым днем в конце сентября я сделала грядку под чеснок и решила «сбегать» по грибы, благо, что в нашем садоводстве наша улица в один порядок, потом забор из сетки, канава, а на месте вырубки за 25 лет вырос «взрослый» лес. Я прошлась с ведром вдоль канавы – грибов мало. Пошла назад и, наверное, взяла немного вправо от забора. Прошла под сломанной длинной березой, она была в виде арки.

А грибов там! Уже полное ведро, оттопырились карманы пуховика. Заморосил мелкий дождь. Я было идти назад, смотрю – место незнакомое: с одной стороны мелколесье, нос не просунешь, с другой – огромные, в три обхвата пни, не перепрыгнешь. Остановилась. Ни звука... А рядом станция. Обычно каждые десять минут идут то товарняк, то порожняк, то электричка. Стала звонить домой. Больной муж заплакал: «Выбирайся! Что я буду делать без тебя?» Он звонил каждые пять минут. А я металась, молилась, плакала, кричала... И только когда прошла назад под березой-аркой, услышала звук поезда, целый час шла до станции.

Вышла к последней улице Осинок. Ни души... Кричу: «Есть кто живой?». Из последнего дома вышел Юрий. Недавно он украл у нас газонокосилку, его осудили на два года условно. «Ну, – думаю, – в лесу не пропала, так, этот пристукнет». Нет. Он глаза вытарачил и спросил: «Чего-й-

то ты, Николавна здесь делаешь?» Я рассказала. Он быстро довел меня до наших садов.

Я, насквозь сырая, дрожащая от пережитого и от дождя, переделась в сухую одежду и поплелась на электричку.

В следующий выходной сажала чеснок. Соседка посмеялась: «Ты что-то вкалываешь. Учителя вино пьют, празднуют День Учителя». И тогда я поведала ей, как побывала в гостях у Лешего.

Дачные истории

Остались лишь воспоминания...

Ты ворвался в мою жизнь как ракета. Я недоумевала: зачем мне это? Не смотрела на мужчин, не замечала их, не видела лиц. Считала, что в моей жизни хорошей – плохой после смерти мужа не будет ничего, связанного со словом любовь. Я – старушка, и буду глядя в землю, нести свой крест до конца. И вдруг: целый год весна. В природе это невозможно, а в жизни, оказалось, случается.

После тяжелой операции я не вставала, а ты пришел меня навестить. Давно мне знаком, но «шапочно» – иногда встречались в электричке по дороге на дачу или с дачи. Когда вошел в палату быстро, как будто внесся вихрь, я от неожиданности надвинула на себя одеяло. Поделился горем – десять дней как умерла жена. Я выразила соболезнования. А соседки по палате шептались: «Смотри, нам по 47 лет, никто к нам не пришел, а к этой старухе мужик пришел». Не мужик, а мужчина! В этом потом я убедилась не раз. Болеть было некогда: то, что посадила до операции (а старалась как можно больше) требовало ухода. Ты приходил на мой участок и незлобливо ругал: «Зачем тебе это надо? Лето аномальное, ничего не вырастет. Осенью все купишь».

Помогал как мог. Мне совесть не позволяла тебя эксплуатировать, а ты сам то ручку к двери принёс и прикрепил, то

дверь утеплил, то в бане в крыше щель убрал. Вот и сейчас слышу: «На трубу течет, она ржавеет». Денег не брал. Но... Намекал на близкие отношения, сыпал «с душком» анекдотами, что-то вроде: «Вернулась пациентка к гинекологу. – Я у вас трусики не оставила? – Нет. Вздыхает, уходя: -«Наверное, у стоматолога оставила». За тобой надо было ходить с блокнотом и записывать пословицы, потешки по всякому поводу.

Даже глупый человек, за свою жизнь набирается мудрости. Мудрость грозила мне пальчиком: «Не поддавайся на уговоры. Легко стать игрушкой. Тебе это надо? Даже стыдно об этом говорить и даже думать. Ему что – лишь бы баба была».

После очередной помощи на моей даче возник вопрос: сколько я должна? А ты вспомнил давнее: «Тогда только что купил дачу, пошел за молоком, а ты уже стояла в очереди. Вдруг что-то вспомнила, заторопилась, попросила меня купить молока, извинившись, что не знаешь моего имени. Прибежала ко мне, искренне благодарила. Поставила банку с молоком в сумку, опять извинялась, что тебе нечем отблагодарить меня. Я пожал плечами и пошутил: «Как же нечем? Женщина – а нечем». Ты пропустила это мимо ушей. Я подумал: «Красивая женщина, и вдруг – бесполое существо».

Услышав про этот случай, теперь я, глядя в пол, пробормотала: «Ну, раз ты так думаешь, что возможно...». В эту же секунду ты легким движением крутанул меня с ве-

ранды в дом. Всё случилось стремительно. Я пережила сперва страх, потом радость и забытую за много лет истому. Поняла, что без этого мне жизнь покажется пресной и серой. Очнулись не сразу. По комнате разбросана вперемешку твоя и моя одежда. Ты посмотрел в мои беспокойные глаза, успокоил: «Я в тебя влюбился, когда увидел первый раз. Солнечный день, ты идешь с ведром за водой, другой рукой держишь за ручку внука. Прозрачное платье колыхается, «грудь волной встает». Я прямо-таки обомлел.

Вот почему ты каждый раз появлялся на дороге, когда я шла за водой. Перебросились парой фраз, чему-то посмеялись, вскользь о проблемах и разошлись по сторонам. Твою жену ни разу не видела. Оказывается, она больше трех лет боролась с опухолью, болезнь затаилась, но за один день унесла ее в могилу. Утром готовила еду, прилегла и впала в кому. Ты кричал на врачей, требовал, чтоб ее взяли в больницу. Не взяли. К вечеру она умерла.

В моей суматошной и бестолковой жизни тебе приходилось «отлавливать» меня вне графика встреч, как было удобно тебе. Я снисходительно отнеслась к нашей связи. Ну что ж, есть как есть, а не будет, пусть и так, разве что на сердце зарубка останется.

Моя Мудрость нашептывала: «Ты забыла, как год назад этот мартовский кот приехал из санатория с бабёнкой? Ты стояла на платформе, обернулась и увидела изящно одетую в обтягивающие брючки, виляющую кокетливо, слад-

кая улыбочка, сзади шел он, на плече болталась ее маленькая сумочка, смотрел с видом победителя. Ты отвернулась: «А мне – то что?».

А время шло. Ты звонил по пять раз в день. Вникал в мои проблемы. Радовался, когда дозванивался: «Как твои дела, труженица?». Я убеждала тебя в том, что нужна другая женщина. «Покажется сатана лучше всякого сокола». Надо, чтоб сидела у окошка и ждала, подставив кулачки под подбородок. А ты упрямо: «Я ТЕБЯ люблю». – Не надо о высоком.

Но столкнулась с тем, что и высокое присутствует в наших отношениях. Я, усталая после работы, еще подработки, ставлю чайник на огонь. Звонок. Входишь ты. Нет, неходишь, впархиваешь, светишься, как начищенный пятак. И я уже не изможденная, вижу твою радость, улыбаюсь, но не бросаюсь в объятия, соблюдаю дистанцию даже в имени только Александр, не Саша, не Алекс. А ты – Леночка, Ленулька, Леночек.

Как жаль! Что Мудрость мешала мне окунуться в буйство Весны, которое длилось всю осень и зиму. Мудрость шипела: «Удобно ему с тобой. Едет из своего подпольного казино с работы, по пути к тебе зарулит. Что он с соседкой по саду не сошелся? Её сын миллион отвалил на благоустройство. Там пахать надо. А по другую сторону соседка тоже одинокая. У нее в саду всё образцово, она не прочь быть с ним, но только не ради баловства, а чтоб все серьезно. А ты ничего не требуешь». Наверное, поэтому я ворчала, что ты в каждый

визит приносил дорогой шоколад, дарил подарки. На это ты отвечал: «Мне это доставляет удовольствие».

Вот именно. В конце зимы я вымучила приговор: «Скоро дачный сезон. Я не хочу, чтоб про меня в саду судачили как здесь. Только ленивый не осуждает: и надо же, помолодела, всегда веселая, нарядная. И как это не стыдно?»

– Завидуют. Мужик не пьющий. На каждый роток не накинешь платок.

И больше ничего не сказал. Тебе нетрудно было с этим справиться, если уж более трудное преодолел. Много лет назад пришел домой и сказал. «Больше пить не буду». И сдержал слово. А раньше 150 грамм плеснуть – всё равно что на каменку Мужской поступок. Не звонил четыре дня. За эти дни тишины я много передумала и впала в отчаяние. Больше всех – и детей, и внуков, и родных я проводила времени с тобой. Ты с упорством, достойным лучшего применения, добивался возможности быть со мной, и затосковала по тебе. Всё перевернулось. «Как спокойно на сердце – ни счастья, ни бед, ни тревог. И как пусто в душе, как в распахнутой роще осенней. За чаем ты рассказывал о своей жизни, о хорошем и плохом без прикрас, я заочно знала твоих родных, ты их очень любил. Переживал, радовался успехам, ощутимо помогал. Больше любил жизнь при Советах. Работал на военном заводе, путешествовали с женой по стране, на работу шли с радостью, а когда началось «по стране несётся тройка: Мишка, Райка, перестройка», – всё рухнуло. Да и воз-

раст подошел не лучший. Я не восторгалась жизнью при Советах. Как-то сказала: «Представь, с урока уходил проверяющий всего-то у него нашлось что сказать: Не звучат материалы 26-ого съезда КПСС», и это в первом классе! Было много забавного. На открытом уроке Лёша Норкин всех перебивал, тянул руку чтоб ответить «Спросите меня!» На вопрос «Какое сходство у городского и сельского дома? он выпалил: «И в городском, и в сельском доме на веревке висят трусы». Хохот стоял долго. А что сейчас? Моя бабушка говорила: «Подождите – будут девицы – бесстыжи лица». Если бы только девицы... Повсюду лохотрон, особенно в отношении к пожилым людям.

Ты не выдержал, позвонил. Голос очень тихий, он и так становился с каждым днем все тише: «Я хочу быть всегда с тобой. Сын – против.

Я понимаю его: какая – то стерва хочет все прибрать к своим рукам. А ты даёшь! То робеешь передо мной, как мальчишка, то принимаешь серьёзные решения без меня. С выдохом: «Ради бога, не заморачивайся на этом, пусть всё останется как было. Лучше займись своим здоровьем». Ты пошел к врачам только тогда, когда стал задыхаться. Обнаружили шишку в горле. Назначили операцию, но отменили – близко сонная артерия. Направили в Москву.

А Мудрость неистовствовала: «Ты очень ему нужна. Где он найдет такую дуру? Его матери 95 лет. Разве ты не подставишь свое хрупкое плечо?» В Москве у тебя было лече-

ние химиотерапией. Ты об этом не сказал.

Я собирала малину. Оглянулась. Ты стоишь у входа на участок и улыбаешься. Я спросила почти сердито: «И долго ты тут стоишь? – Любуюсь. Ты такая сегодня красивая.

– Ага. Красавица без волос. Румянец во весь нос. Может, и правда, в новом голубом платке и сарафане была красива, соседка уже восхитилась. Ты подошел обнял меня и спросил: «Можно я полежу в твоём доме? А то... мне что-то страшно». Когда я вошла в дом, ты поднялся мне на встречу и стал меня целовать. Всё выглядело так, будто ты прощался со мной. Не отрывая глаз, прошептал: «Не представляешь, как плохо я себя чувствую».

Это была последняя встреча. Мне позвонила дочь и командовала мне ехать домой – завтра утром мы едем в Дивеево.

Возможно, если б ты поехал с нами, не случилось бы то, что случилось. В то время, когда я стояла в толпе народа, проходила по канавке, окуналась в святой источник, ты косил траву на своём участке. Разгоряченный, попил воды из скважины. К вечеру поднялась температура. Успел добраться до дома и наговорить родным «если что», пока была 41,5. На мой звонок ответил твой сын: «Он в реанимации – воспаление лёгких. В понедельник сделают рентген». С утра звоню: «Спала ли температура? Как рентген?» А сын: «После химии организм ослаб. Он умер». Во мне будто оборвалось все». Ты боялся, что не бедные родственники твоей по-

койной жены узнают обо мне и отвергнут тебя. Но теперь – то всё равно. Они на моё смелое появление с охапкой цветов и участие в похоронах сказали: «Вы нам так понравились, что мы хотим продолжить знакомство».

Моё горе велико. Не зарубка на сердце, а кровоточащая рана. Что это? «Чем меньше женщину мы любим?» ... То же с мужчиной. А Мудрость успокаивала: «Нельзя так убиваться. Смотри – похудела на 10 килограмм. Вы были просто любовники, два одиночества». Нет. Ты был (увы, был) самым дорогим, желанным. Когда было плохо, шутил: «Ладно, хоть не убили» восхищал своим искусством мастера-универсала, приподнимал меня на высоту богини, вселял веру в то, что «всё будет хорошо». Так и буду жить, как будто ты рядом. Ведь недолгой будет наша разлука.

Остались лишь воспоминания...

Ты ворвался в мою жизнь как ракета. Я недоумевала: зачем мне это? Не смотрела на мужчин, не замечала их, не видела лиц. Считала, что в моей жизни хорошей – плохой после смерти мужа не будет ничего, связанного со словом любовь. Я – старушка, и буду глядя в землю, нести свой крест до конца. И вдруг: целый год весна. В природе это невозможно, а в жизни, оказалось, случается.

После тяжелой операции я не вставала, а ты пришел меня навестить. Давно мне знаком, но «шапочно» – иногда встречались в электричке по дороге на дачу или с дачи. Когда вошел в палату быстро, как будто внесся вихрь, я от неожиданности надвинула на себя одеяло. Поделился горем – десять дней как умерла жена. Я выразила соболезнования. А соседки по палате шептались: «Смотри, нам по 47 лет, никто к нам не пришел, а к этой старухе мужик пришел». Не мужик, а мужчина! В этом потом я убедилась не раз. Болеть было некогда: то, что посадила до операции (а старалась как можно больше) требовало ухода. Ты приходил на мой участок и незлобливо ругал: «Зачем тебе это надо? Лето аномальное, ничего не вырастет. Осенью все купишь».

Помогал как мог. Мне совесть не позволяла тебя эксплуатировать, а ты сам то ручку к двери принёс и прикрепил, то дверь утеплил, то в бане в крыше щель убрал. Вот и сейчас

слышу: «На трубу течет, она ржавеет». Денег не брал. Но... Намекал на близкие отношения, сыпал «с душком» анекдотами, что-то вроде: «Вернулась пациентка к гинекологу. – Я у вас трусики не оставила? – Нет. Вздыхает, уходя: -«Наверное, у стоматолога оставила». За тобой надо было ходить с блокнотом и записывать пословицы, потешки по всякому поводу.

Даже глупый человек, за свою жизнь набирается мудрости. Мудрость грозилась мне пальчиком: «Не поддавайся на уговоры. Легко стать игрушкой. Тебе это надо? Даже стыдно об этом говорить и даже думать. Ему что – лишь бы баба была».

После очередной помощи на моей даче возник вопрос: сколько я должна? А ты вспомнил давнее: «Тогда только что купил дачу, пошел за молоком, а ты уже стояла в очереди. Вдруг что-то вспомнила, заторопилась, попросила меня купить молока, извинившись, что не знаешь моего имени. Прибежала ко мне, искренне благодарила. Поставила банку с молоком в сумку, опять извинялась, что тебе нечем отблагодарить меня. Я пожал плечами и пошутил: «Как же нечем? Женщина – а нечем». Ты пропустила это мимо ушей. Я подумал: «Красивая женщина, и вдруг- бесполое существо».

Услышав про этот случай, теперь я, глядя в пол, проворчала: «Ну, раз ты так думаешь, что возможно...». В эту же секунду ты легким движением крутанул меня с веранды в дом. Всё случилось стремительно. Я пережила спер-

ва страх, потом радость и забытую за много лет истому. Поняла, что без этого мне жизнь покажется пресной и серой. Очнулись не сразу. По комнате разбросана вперемешку твоя и моя одежда. Ты посмотрел в мои беспокойные глаза, успокоил: «Я в тебя влюбился, когда увидел первый раз. Солнечный день, ты идешь с ведром за водой, другой рукой держишь за ручку внука. Прозрачное платье колышется, «грудь волной встает». Я прямо-таки обомлел.

Вот почему ты каждый раз появлялся на дороге, когда я шла за водой. Перебросились парой фраз, чему-то посмеялись, вскользь о проблемах и разошлись по сторонам. Твою жену ни разу не видела. Оказывается, она больше трех лет боролась с опухолью, болезнь затаилась, но за один день унесла ее в могилу. Утром готовила еду, прилегла и впала в кому. Ты кричал на врачей, требовал, чтоб ее взяли в больницу. Не взяли. К вечеру она умерла.

В моей суматошной и бестолковой жизни тебе приходилось «отлавливать» меня вне графика встреч, как было удобно тебе. Я снисходительно отнеслась к нашей связи. Ну что ж, есть как есть, а не будет, пусть и так, разве что на сердце зарубка останется.

Моя Мудрость нашептывала: «Ты забыла, как год назад этот мартовский кот приехал из санатория с бабёнкой? Ты стояла на платформе, обернулась и увидела изящно одетую в обтягивающие брючки, виляющую кокетливо, сладкая улыбочка, сзади шел он, на плече болталась ее малень-

кая сумочка, смотрел с видом победителя. Ты отвернулась: «А мне-то что?».

А время шло. Ты звонил по пять раз в день. Вникал в мои проблемы. Радовался, когда дозванивался: «Как твои дела, труженица?». Я убеждала тебя в том, что нужна другая женщина. «Покажется сатана лучше всякого сокола». Надо, чтоб сидела у окошка и ждала, подставив кулачки под подбородок. А ты упрямо: «Я ТЕБЯ люблю». – Не надо о высоком.

Но столкнулась с тем, что и высокое присутствует в наших отношениях. Я, уставая после работы, еще подработки, ставлю чайник на огонь. Звонок. Входишь ты. Нет, неходишь, впархиваешь, светишься, как начищенный пятак. И я уже не изможденная, вижу твою радость, улыбаюсь, но не бросаюсь в объятия, соблюдаю дистанцию даже в имени только Александр, не Саша, не Алекс. А ты – Леночка, Ленулька, Леночек.

Как жаль! Что Мудрость мешала мне окунуться в буйство Весны, которое длилось всю осень и зиму. Мудрость шипела: «Удобно ему с тобой. Едет из своего подпольного казино с работы, по пути к тебе зарулит. Что он с соседкой по саду не сошелся? Её сын миллион отвалил на благоустройство. Там пахать надо. А по другую сторону соседка тоже одинокая. У нее в саду всё образцово, она не прочь быть с ним, но только не ради баловства, а чтоб все серьезно. А ты ничего не требуешь». Наверное, поэтому я ворчала, что ты в каждый визит приносил дорогой шоколад, дарил подарки. На это ты

отвечал: «Мне это доставляет удовольствие».

Вот именно. В конце зимы я вымучила приговор: «Скоро дачный сезон. Я не хочу, чтоб про меня в саду судачили как здесь. Только ленивый не осуждает: и надо же, помолодела, всегда веселая, рядная. И как это не стыдно?

– Завидуют. Мужик не пьющий.

И больше ничего не сказал. Тебе нетрудно было с этим справиться, если уж более трудное преодолел. Много лет назад пришел домой и сказал. «Больше пить не буду». И сдержал слово. А раньше 150 грамм плеснуть – всё равно что на каменку Мужской поступок. Не звонил четыре дня. За эти дни тишины я много передумала и впала в отчаяние. Больше всех – и детей, и внуков, и родных я проводила времени с тобой. Ты с упорством, достойным лучшего применения, добивался возможности быть со мной, и затосковала по тебе. Всё перевернулось. «Как спокойно на сердце – ни счастья, ни бед, ни тревог. И как пусто в душе, как распахнутой роще осенней. За чаем ты рассказывал о своей жизни, о хорошем и плохом без прикрас, я заочно знала твоих родных, ты их очень любил. Переживал, радовался успехам, ощутимо помогал. Больше любил жизнь при Советах. Работал на военном заводе, путешествовали с женой по стране, на работу шли с радостью, а когда началось «по стране несётся тройка: Мишка, Райка, перестройка», – всё рухнуло. Да и возраст подошел не лучший. Я не восторгалась жизнью при Советах. Как-то сказала: «Представь, с урока уходил проверя-

ющий всего-то у него нашлось что сказать: Не звучат материалы 26-ого съезда КПСС», и это в первом классе! Было много забавного. На открытом уроке Лёша Норкин всех перебивал, тянул руку чтоб ответить «Спросите меня!» На вопрос «Какое сходство у городского и сельского дома? он выпалил: «И в городском, и в сельском доме на веревке висят трусы». Хохот стоял долго. А что сейчас? Моя бабушка говорила: «Подождите – будут девицы – бесстыжи лица». Если бы только девицы... Повсюду лохотрон, особенно в отношении к пожилым людям.

Ты не выдержал, позвонил. Голос очень тихий, он и так становился с каждым днем все тише: «Я хочу быть всегда с тобой. Сын – против.

Я понимаю его: какая – то стерва хочет все прибрать к своим рукам. А ты даёшь! То робеешь передо мной, как мальчишка, то принимаешь серьёзные решения без меня. С выдохом: «Ради бога, не заморачивайся на этом, пусть всё останется как было. Лучше займись своим здоровьем». Ты пошел к врачам только тогда, когда стал задыхаться. Обнаружили шишку в горле. Назначили операцию, но отменили – близко сонная артерия. Направили в Москву.

А Мудрость неистовала: «Ты очень ему нужна. Где он найдет такую дуру? Его матери 95 лет. Разве ты не подставишь свое хрупкое плечо?» В Москве у тебя было лечение химиотерапией. Ты об этом не сказал.

Я собирала малину. Оглянулась. Ты стоишь у входа

на участок и улыбаешься. Я спросила почти сердито: «И долго ты тут стоишь? – Любуюсь. Ты такая сегодня красивая.

– Ага. Красавица без волос. Румянец во весь нос. Может, и правда, в новом голубом платке и сарафане была красива, соседка уже восхитилась. Ты подошел обнял меня и спросил: «Можно я полежу в твоём доме? А то... мне что-то страшно». Когда я вошла в дом, ты поднялся мне на встречу и стал меня целовать. Всё выглядело так, будто ты прощался со мной. Не отрывая глаз, прошептал: «Не представляешь, как плохо я себя чувствую».

Это была последняя встреча. Мне позвонила дочь и командовала мне ехать домой – завтра утром мы едем в Дивеево.

Возможно, если б ты поехал с нами, не случилось бы то, что случилось. В то время, когда я стояла в толпе народа, проходила по канавке, окуналась в святой источник, ты косил траву на своём участке. Разгоряченный, попил воды из скважины. К вечеру поднялась температура. Успел добраться до дома и наговорить родным «если что», пока была 41,5. На мой звонок ответил твой сын: «Он в реанимации – воспаление лёгких. В понедельник сделают рентген». С утра звоню: «Спала ли температура? Как рентген?» А сын: «После химии организм ослаб. Он умер». Во мне будто оборвалось всё». Ты боялся, что небедные родственники твоей покойной жены узнают обо мне и отвергнут тебя. Но теперь – то всё равно. Они на моё смелое появление с охапкой цветов

и участие в похоронах сказали: «Вы нам так понравились, что мы хотим продолжить знакомство».

Моё горе велико. Не зарубка на сердце, а кровоточащая рана. Что это? «Чем меньше женщину мы любим?» ... То же с мужчиной. А Мудрость успокаивала: «Нельзя так убиваться. Смотри – похудела на 10 килограмм. Вы были просто любовники, два одиночества». Нет. Ты был (увы, был) самым дорогим, желанным. Когда было плохо, шутил: «Ладно, хоть не убили» восхищал своим искусством мастера-универсала, приподнимал меня на высоту богини, вселял веру в то, что «всё будет хорошо». Так и буду жить, как будто ты рядом. Ведь недолгой будет наша разлука.

Там, где начинается асфальт

Ирина ковыляла по лесу. На спине рюкзак, на плече сумка, в руках корзинка и ведро.

Выскочила на дорогу там, где кончается асфальт. Кончался-то он для идущих с поезда, а для идущих на станцию он только начинался.

До электрички оставалось 15 минут.

По дороге ехала иномарка, она остановилась около Ирины. Немолодой мужчина открыл дверцу и строго скомандовал: «Садись». Женщина опешила: – Я боюсь испачкать машину.

– Я сказал: садись (еще строже).

Горемыка разместила свою поклажу, влезла в машину. Быстро доехали до станции. Остановились. Ирина повернулась к нему. А он опять ошарашил ее: «Почему у тебя лицо в воде?»

– В слезах. Безутешное горе мое: умер муж. Не уберегла. Надо было бросить и работу, и огород, а его спасать. А я рвалась и туда, и сюда. Никогда не прощу себе этого.

– Вот оно – одиночество. Нет у него ни имени, ни отчества, – задумчиво сказал он. – Не терзай себя.

Мужчина салфеткой прошелся по щекам Ирины. Она растерянно смотрела на него.

– Когда, пани, еще поедешь с город?

– В воскресенье.

– Я тоже поеду. Довезу тебя. Значит, на том же месте, в тот же час? Где кончается асфальт.

Она согласно кивнула.

Загорелся зеленый семафор. Ирина вскочила, схватила груз, крикнула «Спасибо» и побежала на платформу. Он догнал, взял корзинку и ведро, помог забраться в электричку.

В электричке она садилась на второе сиденье спиной к народу. Никого не хотела видеть и слышать. Сидя на своем месте, она еще раз провела по щеке рукой и почувствовала тепло и умиротворение. За последний год она забыла, чтоб кто-нибудь заботился о ней, сказал бы доброе слово. Слышала от его родных осуждение и упреки. А сосед так и сказал: «Эх, какого мужика схоронили!». А сейчас она подумала: «Добрый человек, спасибо. Буду за тебя молиться как за своих родных». Но почему сразу на «ты»? Для него она уже давно была на «ты». Он, проезжая по дороге, много раз наблюдал за ней, спешащей на станцию со своими сумками и корзинами. За ней, пошатываясь, уставясь в землю, шагал муж. Она оборачивалась, торопила его. Последний год ходила одна. Чем привлекла? Нарядная. Как оказалось, за дочерью донашивала. А все благодаря формам, красивой фигурке. Ее ровесницы, «тетехи» толстомясые, выглядели намного старше.

Он проводил взглядом электричку, сидел в машине.

– Зачем ей так надрываться на этой бесплодной земле?

Местные бабы про садоводов сердито говорили: «Вон садисты идут». Вот и она «ушла в землю», превратила себя в лошадь, значит, ничто другое ее не волнует. Хотя нет. Вот стоит около сиденья скромный, но красивый букет. Она забыла его в машине.

– Ты тронула меня, засушу цветок. И очень хочу тебя снова увидеть.

В назначенный день и час она выбралась на дорогу из леса. Он подъехал чуть раньше. Вышел из машины, подошел, поздоровались, он погрузил ее вещи в багажник. Ирина села рядом, стала пристегивать ремень.

– Ну как поживает твой депресняк?

– Вроде немного ослабел («Синдром выходного дня» отменила). А в молодости у тебя вихрастый чуб?

– Нет. Такой же ежик, только не седой. А что?

– Тебе бы форму, фуражку и нагайку в руку.

– Зачем?

– Похож на казака. Упрямый строгий взгляд, сложен крепко, усы.

– А у меня и фамилия Казаков.

– Значит, поройся в родословной.

– Спрошу у своих. Я ведь младший. Ни революции, ни войны не помню. А ты будешь Аксинья, да?

– Ни по возрасту, ни по внешности не подхожу.

– Еще как подходишь! Прямо так и пышешь: молодая, озорная, поворотливая.

Она с задором посмотрела, улыбнулась:

– Спасибо за комплимент.

Машина тронулась и покатила по шоссе. У моста уже не было большой пробки – сезон заканчивался. А Вадиму хотелось побольше узнать о ней, и обязательно «перекинуть мостик» для следующей встречи. Оказалось, что ей опять придется ехать на дачу: надо закрыть скважину, но перед этим отрезать трубу, она выпирала из-под крышки.

– Я тебе помогу, я буду здесь, встречу тебя на платформе. Только приезжай на первой электричке, чтобы все успеть.

Он сказал, делая ударение на «все».

– Я тоже помогу тебе.

– Хорошо.

В городе, когда подъехали к ее подъезду, она спросила: «Поднимешься к нам? В обморок не падай – у нас не квартира, а фабрика – заготовочная. Заранее извини.

– Что ты как девчонка стесняешься?

– Не знаешь ты моей жизни. Муж был болезненно ревнивый. Боже упаси, если кто-то посмотрит на меня, потом упреков не оберешься: «Ты его знаешь, ты с ним встречаешься, ты с ним...» Надень, Ира, черну шаль и ходи внахмурочку. Куда ни ездила, где ни была – ни разу ему не изменила. Зато он всю молодость блудил. Если на прополку поедет – в субботу не жди, только в воскресенье к вечеру. Или скажет, что едет в отпуск в деревню, а сам в «Лесной курорт».

– А ты его жалеешь.

– Жалею, он у матери «поскребыш», силенок-то не столько, сколько у старших. Настроил сколько! Другому бы на три жизни хватило. «Зеленый змей» мешал. Без этого он ни одного дня жить не мог, и меня втягивал. Отвлекала чем могла: стройкой, деревней, даже упрашивала его в народном хоре петь, у него был хороший слух и голос, не согласился. Ой, заговорила тебя. Торопишься. Значит, до среды?

– Да. И не пасуй перед тетками. Мы ничего плохого не делаем.

Хорошо говорить: «не пасуй». Только он уехал, к Ирине подкатила Лида: «Хороший мужик, а ты вообще у нас красавица. Поживи всласть, хоть сколько осталось. Всю жизнь „пашешь“. А жена-то у него есть?».

– Я не спрашивала и не буду. Всего второй раз его вижу.

– А видать сильно запал. Неохотно расставался.

В ноябре семь погод на дворе. Ночью вдруг пошел снег. Он залетал в тамбур. Казалось, что эта снежная круговерть до весны не кончится. На перрон вышли только двое – Ирина и ее сосед Павел. Ирина огляделась. Вадима не видно. Окликнула Павла и пошла рядом. А Вадим бежал по платформе с большим фонарем, кричал и размахивал им.

Ирина остановилась, велела Павлу не ждать, пошла навстречу Вадиму. Он запыхался.

– Куда ты поперлась? Ели успел тебя перехватить. Нам в другую сторону. Обиделась?

– Нет.

Она шла за ним. Грязь и снег чавкали под ее белыми сапогами. Конец-то будет этой раздрызганной дороге? Он остановился около бревенчатого дома. Открыл калитку. Пропустил Ирину.

– Милости прошу. Осторожно: крыльцо высокое и сырое.

Дом большой, новый, можно жить круглый год, даже паровое отопление и вода в доме есть. Гостья села на стул на кухне. Стало светать. Снег немного убавил силу. Вадим показал взглядом на окно:

– Посмотри-ка.

Из трубы бани шел дым.

– Ты баню истопил? Всю ночь, наверное, не спал?

– Полпятого. Пойдешь погреться?

Она пожала плечами.

– Я об этом не подумала.

Он настороженно ждал.

– Как будто ты знаешь, что я люблю баню. Помещение большое, парилка отдельно, и вода в бане.

Ирина наливала воду, когда услышала, что дверь открылась и закрылась. Чуть повернула голову и увидела, что он стоит сзади. Голый. Повернулась к Вадиму лицом к лицу. Глубоко вздохнула. Закрыла глаза, наклонила голову назад, потому что он стал снимать бретельку черного лифчика.

– Вся в черном, эротично.

Она глухо ответила:

– Для тебя это только игра, а я, может, никогда себе этой

слабости не прошу.

Каждая фраза и его, и ее давалась нелегко. Со стороны можно было подумать, что они шепчутся.

Продолжая ее раздевать, остановился:

– Что это?

– Где?

– Кружочки на груди могут быть коричневыми, фиолетовыми, а у тебя девственно розовые, влажные.

– Ничего себе девственные. После родов до трех лет кормила грудью. Если б мужа не застала с бабой и не стала после этого курить, может, до пяти лет бы кормила.

– Изнемогаю.

Он пригубил чуть-чуть, потом сильнее наслаждался.

– Я боюсь тебя разочаровать.

– Почему?

– У меня не было... близости почти десять лет.

– Все будет хорошо, маленькая.

Еще как хорошо! Это были и нежность, и сила, и страсть. Они как будто впрыгнули в последний вагон. Когда-то соседка по коммуналке призналась Ирине, что у нее с Ильей, в ихние-то 50 лет, все как у молодых и даже лучше. А Ирина тогда подумала: «Какая может быть любовь у стариков, а тем более страсть?». Теперь же сама, старая дурра, наслаждалась каждой клеточкой, отдаваясь этому зеленоглазому совсем недавно незнакомому мужчине.

Пришли в себя, когда совсем рассвело. Она лежала сбоку.

Он гладил ее, потом тихо спросил: «Как ты?».

Она ответила не сразу: «Я хочу, чтоб так было всегда». Столько лет по ночам «выла на луну». Убеждала себя, что это не главное. Ведь мама осталась вдовой в 37 лет, посвятила себя семье. Да еще ее сварливая свекровь вечерами не отходила от окон, как-то прошипела: «Попробуй, польстись на кого. Все у тебя из ж... вывалится.» Она могла это запросто устроить.

У широкого, во всю стену окна, пили чай. Ирина рассказывала анекдот, когда Вадим взял ее руку, ловко перекинул Ирину к себе на колени, целовал волосы, лицо, зарылся носом к грудям и промурлыкал: «Две пуховые подушка» и опять «изнемогаю» и до истомы, – а потом полуголые побежали в баню.

Когда в ее саду укорачивали трубу у скважины, Вадим поранил руку. Ирина стала перевязывать рану. Вот закончила, он остановил ее: «Прости меня. Я формировал события, боялся, что еще целую зиму не увижу тебя. Я видел, как ты тревожишься. Наверное, боялась, чтоб о тебе плохо не подумал, или кто-то подумает».

– Я не думала, что тебе ведомы такие тонкие чувства. Последнее время моя жизнь настолько плохая, что я перестала анализировать «что такое хорошо», все плохо. И вдруг ты... Как луч надежды. Я не боялась тебя, много раз видела тебя.

Она сказала ему, что впервые после их знакомства она не захотела выпить горькой. За последние годы она выпила,

наверное, цистерну. Когда муж был здоров, он не давал ей ни с кем дружить и сам не общался, а когда умер, она осталась одна. Во всех углах стояли «пузырьки». Время, когда «пьешь – умрешь, не пьешь – умрешь, а выпьешь – снова оживешь», это время прошло, выпивка не спасала. И дел было много, и времени мало. В любом состоянии она работала, вычеркивая потом на бумаге «прополола», «пересадила», «полила». После смерти мужа пошел большой перебор. Дети ее ругали, но у них своя жизнь, ни делом, ни словом не поддерживали даже когда рыдала на кладбище над его могилой. Наоборот, дочь сказала: «Если свалишься, я к тебе не подойду также, как к отцу».

Вот и спасибо. Ни на что не рассчитываю. Кто я такая? Серая мышка. По мне, если что, можно и дорожным катком проехать, я все прощу и вытерплю. Горестно думала, что свет погас и на сцене, и в зале, и в фойе. Несколько раз задумывала наложить на себя руки, но бог не дал. С детства молилась, вот бог не дал совершить этот грех, а подарил встречу там, где начинается асфальт.

Она ничего не спрашивала у Вадима про жену. Видно, что он больше живет на даче – отопление работает. Женщина ничего здесь не делала, мужское жильё. Чисто, но очень аскетично – ни безделушек, ни картинок, все только самое необходимое. Ирина была так счастлива, что не боялась спугнуть. Часто приезжала к нему, а утром он провожал ее на поезд со своим фонарем. Иногда вместе приезжали и уезжали.

А снег сошел. Они вдвоем вырезали сухую малину, подвязали здоровую.

Почему же они так скучали друг без друга, нежно касались друг друга губами, руками, с трудом отрывались после ласк и близости и оба хотели больше всего, чтоб не нарушилось их счастье. Потому что они среди людей были одиноки друг без друга.

Как случилось, что он жил отдельно от семьи? Это началось в далеком 72-ом. Мать его умерла, отец женился на другой. Вадим остался один. За стеной пожилая соседка Анна не находила себе места: парень непьющий, хорошо зарабатывает, дом ведет. Да и дом вот-вот снесут. Нельзя упустить. Анна сорвала из какой-то глуши племянницу Галинку, та как раз техникум окончила. У соседей всегда найдутся причины, чтобы сблизиться. У Гали был день рождения. Пригласили Вадима якобы, чтобы фотографировать. Он честно выполнил работу, но «виновнице» торжества внимания больше, чем другим, не уделил, сослался на дела, вскоре ушел. Анна обиделась. Ну да, великовата Галя, выше Вадима, он высокий, и в объеме ее не сразу обхватишь, ни юмором, ни интеллектом не блистала. Сказывалось провинциальное воспитание. Но совсем они всполошились, когда к соседу приехала двоюродная сестра с подружкой и познакомила ее с Вадимом. Втроем они хохотали весь вечер, девчонки учились в другом городе в институте. Почти всю ночь не спали, делали фотографии. За дряхлой стеной тоже не спали. Анна

решила: надо ему секс с Галиной устроить. «Чего хочет женщина – того хотят боги» – такого принципа придерживалась она. Анна все «обтяпала» как нельзя лучше.

В конце зимы была свадьба. Сестры Казаковы сперва плакали, когда поздравляли молодых, а потом просто рыдали не переставая. Гости стали их стыдить: «Вы что, на смерть его отдаете что ли?» Сестренки чувствовали, что ничего хорошего в этом браке для Вадима нет. На другой день компания пошла по улице. Галин дядя, одетый в полушубок назнанку поил встречных и гостей водкой из бутылки через соску. Подскочил к сестрам и влил сперва одной, потом другой изрядные дозы, благо дырка на соске была большой, наверное, как и все у невесты. Сестры сперва отстали, а потом, не прощаясь, уехали. До женитьбы Вадим почти каждое воскресенье бывал у них. А теперь Галина по научению Анны стала препятствовать этим встречам, а потом и вовсе они прекратились. Молодая жена постаралась. Одного за другим родила двоих сыновей. Анна помогала, потому что Галинка училась в вузе заочно в Москве. Вадим и дети подолгу оставались без хозяйки, он прекрасно справлялся со всеми обязанностями.

В ней со временем все больше прорастали мысли «Эти Казаковы не стремятся учиться. Живут и живут, вот и все. Другое дело родные Гали – одна директор магазина, другая – дизайнер одежды, двое в банке работают, трое в Москву перебрались». Вадим не мог не заметить, что между ним

и женой расстояние увеличивается. Поэтому, когда получили участок для сада, постарался, чтоб жильё было комфортным для жизни. Дети, не привычные к земле, если приезжали, то как на принудиловку. Они выросли, а тут бросай все и теши бревна, потому что папочка купил делянку и делает сруб на продажу. По всей округе были плоды его трудов: дома, печи, крыши. Люди бросали работу и любовались, как «артист» работает, все ладилось в его руках, и друзья с ним такие же. На нем держалась семья. Галя настраивала сыновей на карьеру. Надо, чтобы не Серегой называли, а Сергей Вадимович. Сыновья были на ее стороне.

И все-таки их семейная жизнь была мирной, без всплесков, ровно шла по жизненной колее, без любви и сильных чувств.

Ирина поставила бы мужу памятник двух цветов: белого и черного, настолько противоречивые чувства у нее были к нему. Самое плохое было в их жизни – они не должны были жениться и, скорее всего, были бы счастливы, настолько они были разные.

Он служил с ее братом Женей в одной части, были врагами. А когда пришли на гражданку, стали друзьями все, кто жили в одном районе. Юрий увидел на трюмо в доме Женьки фото Ирины, спросил: «Кто это?».

– Моя двоюродная сестра.

– Познакомь.

– Как-нибудь.

Случай представился. Парни шли на остановку и увидели, что пьяный мужик бьет Аркашу – местного «юродивого». Женька стал защищать Аркашу. Завязалась драка. Ирина была в магазине, увидела драку, выскочила и повисла на брате, начала его трясти. Брат весело посмотрел на нее и, часто дыша, успокаивал: «Не буду, не буду. А чего он?». Потом, совсем уже обмякший, обернулся к Юре и сказал Ире: «Вот, познакомься, мой сослуживец, Юрий».

– А что же ты, друг, стоял и дал драке закипеть?

– Он же защищал Аркадия, враг бежал.

– И на том спасибо.

Парни пригласили Иру в парк. Она беспокоилась, как бы Евгений еще во что-то не ввязался. Скорее бы устроился на работу, восстановился в техникуме, и согласилась ехать с ними. В парке незаметно все исчезали. Ира с Юрой остались у эстрады, где шел концерт. Пошел мелкий дождь. Вечерело. Новый знакомый пригласил Ирину к родным, они жили рядом с парком. Когда молодые подходили к дому, из дверей вышла Ольга, его сестра с мужем и двумя мальчишками. Они уже нагостились, шли домой. Несмотря на дождь все пошли пешком. По дороге Ольга очень подробно расспрашивала Ирину, кто такая, какая семья, где учится, где работает. Девушка щипнула Юру, шепнула: «Я вроде не на смотринах» и, зажав себе рот, засмеялась.

Он жил в общежитии молодых специалистов. С того дня стал встречать Иру у проходной, и когда начался учебный

год, – около института. А еще она поступила в ансамбль института, ездила выступать на концертах, конкурсах, в будни после работы до занятий «пилила» свою партию. Юра и здесь ждал ее. Как-то руководитель ансамбля спросил ее: «У тебя есть какие-то планы на него?» – Нет. – зачем он тебе? Невидный какой-то. Вот у нас какие соколы на физфаке».

Она не думала, кто он для нее. Ему нужна доступная девушка. После армии кровь бурлила, тем более, что он служил рядом с финской границей, посмотрелся «порнухи» по финскому телику. Ирина сразу дала понять, что на это она не пойдет и пропела однажды, когда он проводил ее до дома: «Ты разлюбил меня бы что ли, не обивал бы мой порог. Меня бы больше не неволил, свои бы чувства приберег». На это он ответил: «Я знаю, что я тебя не стою. Но я тебя люблю (никто ей этого не говорил). Поженимся. Знаешь, как мы жить будем? Лучше всех». И поцеловал, сперва робко, нежно, потом пылко, у нее закружилась голова. Она поймала себя на мысли, что привыкает к нему, не находит себе места, когда он в деревне у родителей, играет на стадионе в футбол, смотрит чемпионат по всем видам спорта. В последний раз, когда он встречал ее с работы, она бросилась через дорогу на набережной, ведь не видела его пять дней! Ей и в голову не могло прийти, что его сестра Ольга «через верные источники» продолжала разузнавать про Ирину и на своей маленькой кухне высказывала брату, что эта девушка очень достойная, вся родня работающая, дружная. Он отмахнулся:

«И без тебя вижу, что достойная. Мне не важно, какая семья, я ее люблю». – Вот и хорошо, а то, небось, на заводе девки тебе прохода не дают. Парень – кровь с молоком! С образованием. А красавец!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.